

СОДЕРЖАНИЕ

Бриллиантовый век русской поэзии	4
«Силою Вышнего держусь...» (о Гавриле Романовиче Державине)	6
Дедушка Крылов (об Иване Андреевиче Крылове)	133
Учитель поэтов и царей (о Василии Андреевиче Жуковском)	225

Бриллиантовый век русской поэзии

Удивительная пора — XVIII век отечественной истории, бла-
гословенное время, когда Россия по-настоящему стала Россией.
Время гигантов, начатое Петром Великим, продолженное Миха-
илом Ломоносовым, Екатериной Великой, Григорием Потёмки-
ным, Фёдором Ушаковым, Александром Суворовым, Николаем
Карамзиным. Каждый — огромная, государственного масштаба
личность, и ко всем применим этот поразительного роста и раз-
маха эпитет: великий, великий, великий...

Единственный в своём роде исторический период, когда
перед каждым, на каком бы поприще он ни подвязался, откры-
вались необозримые просторы невозделанной целины. Но при
этом и косность, и зависть, и преступная корысть стеной вырас-
тали на пути первоходцев.

И это было экзаменом для их устремлений, проверкой даро-
вания, испытанием сил. Только чудо-богатыри и могли перепа-
хать эту трудную, местами глинистую и даже каменистую почву,
только им было дано бросить в неё благодатное семя и взрастить
отменный урожай.

Ну а слабый, отойди! Или нет: суетись, мельтеши, мешай!
Именно твои уловки, твои хитрости и коварство создадут необ-
ходимый фон помех и препятствий, чтобы силачи прежде своего
созревания не придревали среди кладбищенского изобилия лав-
ровых венков, но в преодолении выпадов и нападок своего века
укреплялись в мужестве, доблести, терпении и любви!

Вот и поэты были вознесены этим временем, и озnamеновали
его исключительно великие: Гаврила Державин, Иван Крылов,
Василий Жуковский. Три горемычные сироты, усыновлённые
Всевышним, три основных направления российской поэзии, три
могучих кита, на спинах которых она обустраивалась.

Гаврила Романович Державин — её возвышенное, одицеское, гражданственное начало. Не знающая компромиссов совесть, голос истины и правды, слышимый всюду и повсеместно. Неудержимый порыв к добрым началам жизни, к справедливости, к Богу!

Иван Андреевич Крылов — сатирическое, юмористическое, простонародное веселье русского стиха. Мудрость, исходящая из народа и к нему обращённая. Слово — и разумное по смысловой глубине, и яркое по образной силе, и беспощадное по духу обличения. Душа добрая, но с лукавинкой, щедрая, но с хитрецой.

Василий Андреевич Жуковский — мягкое, женственное, лирическое звучание русского стиха, а вследствие этих качеств — ёщё и дружественная, переводческая стезя отечественной поэзии. Кладезь христианской веры и заботы о ближнем, высокого благородства и сердечного участия, нравственной чистоты и душевного горения.

Бриллиантовый век русской поэзии! И не только по своему драгоценному достоинству, но и по царственному, придворному блеску. Поэты, ценимые и первыми лицами государства, и образованным дворянством, и «тёмными людышками», вплоть до обывателей-мещан и невежественного крестьянства.

Именно они явили миру беспримерную силу, мудрость и красоту русской поэзии. При этом каждый из исполинов оставался искренним, открытым, простым человеком. И в житейском поединке неизменно проигрывал, уступал более ловким соперникам. И тогда становилось ясно, что и бессмертные смертны, что и великаны поэтического пера — всего лишь люди, мало чем отличающиеся от каждого из нас.

И это делало их понятнее, ближе, роднее.

«СИЛОЮ ВЫШНЕГО ДЕРЖУСЬ...»

О ГАВРИЛЕ РОМАНОВИЧЕ ДЕРЖАВИНЕ

Были поэты и до Гаврилы Романовича Державина — самобытные, интересные, яркие. Нащупывали начальные подходы к русскому стихосложению. Одерживали первые победы в борьбе с неуклюжестью и невежеством родного, худо обработанного языка. Однако истинная поэзия ещё только брезжила в их труднопроризносимых виршах. Для решительного прорыва в область рифмованного чуда, высочайшего

пафоса и великих мыслей нужен был гений — и он явился никем не предсказанный, ничем не обещанный.

Прежде всего расскажем о его заморских корнях.

Выходец из Большой Орды мурза Багрим в XV веке приехал в Москву. Поступил на службу к великому князю Василию Васильевичу Тёмному. Был крещён, а со временем за усердие и честность пожалован землёй. От Багрима пошли на Руси Нарбековы, Акинфовы, Теглевы. Один из Нарбековых сумел отличиться и стал известен под прозвищем *Держава*. От него и произошли Державины.

Как видим, рецептура в главном та же, что позднее у Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Фета, Блока, — прививка чуждой, издалека прихлынувшей крови. А значит, не только крови, но иной истории, традиций, нравов, иных языковых глубин. Отсю-

да и широкий, объёмный разворот личности, и незатёртое, сугубо новое звучание поэтического слова.

Род Державиных, разрастаясь, становился всё многочисленнее и, следовательно, беднее. Ну а поместье *Державы*, поначалу обширное, в дальнейшем без новых удачливых владельцев, щедрых пожалований и приобретений, дробилось из поколения в поколение и вконец измельчало.

Вот и родители будущего поэта: Роман Николаевич Державин — военный в небольших чинах, и Фёкла Андреевна, урождённая Козлова, оказались по дворянским меркам очень даже небогаты. За отцом — 10 душ крепостных крестьян и за матерью — 50. Земли — с гулькин нос.

Приходилось из-за каждого клочка и судиться с соседями, и принимать побои, и драться. Жила семья то в Казани, то в крошечной деревеньке поблизости от неё. Отсюда неопределённость места рождения Гаврилы Романовича — первенца, появившегося на свет 3 июля 1743 года.

Ребёнок был тщедушен и хил. Явно не жилец. Для таких болезных существовало в русском народе единственное средство — запечь в хлебе, дабы сколько-нибудь живости придать. Как это всё производили и под каким градусом — не знаем. Очевидно, в русской печи. А задвигали мальчишку в тесте, должно быть, неглубоко — не дальше устья. И полешки подкладывали по одному, с осторожностью...

Как тут не вспомнить слова Иисуса Христа:

«Я есмь хлеб жизни...»

Вот и поэту будет суждено сделаться духовной пищей многих. Во всяком случае, и в огне выжил, и вылечился, и окреп. Долго не говорил, пока однажды не показали младенцу комету о шести хвостах, наводившую на всех ужас. Посмотрел, ткнул в небо пальчиком оттопыренным и сказал первое слово:

— Бог!

Ради такого начала можно было с говорением и подождать.

Вскоре Романа Николаевича перевели на новое место службы в Яранск Вятской губернии, а затем в Ставрополь, что в ста верстах от Самары. Городишки дрянные, захолустные. Между тем семья росла. Второй сын от первого всего годочком разнился. Родилась и дочь, да не зажила.

Родители будущего поэта были людьми довольно тёмными. Отец — куда ни шло, а мать изо всех премудростей русской грамоты, похоже, только умению ставить подпись и была обучена. При всём при том власти требовали от дворянской поросли, которой предстояло служить государям и отечеству, хотя бы минимальной образованности.

И начало тому положил Пётр Великий, ещё в 1714 году издавший указ, запрещающий дворянским юношам жениться, пока не окончат хотя бы «циферной школы». С той поры спрос и расширился, и стал строже. Неисполнение взыскивалось с родителей. Проверка же проводилась неукоснительно: в семь лет — первый смотр, в двенадцать — второй, в шестнадцать — третий.

А в двадцать лет — обзаводись должностью, служи!

К первому смотру Гаврюшу, уже на четвёртом году, начали готовить службы местной церкви. Под их руководством выучился читать и писать. И не как-нибудь, а по книгам духовным, к чему Фёкла Андреевна щедро поощряла сына игрушками да конфетами. А вот далее продвинуть дворянского недоросля церковники, в силу сугубой ограниченности собственных познаний, вряд ли смогли бы.

Но Тот, присутствие Которого мальчик впервые ощутил в образе светящейся кометы, поспособствовал переезду семьи в город Оренбург, располагающий большими возможностями и ближайшей перспективой стать губернским центром, взглянув чуть ли не весь Приуральский край. Причиной переезда послужил перевод Романа Николаевича в оренбургские полки премьер-майором. Тут семилетний Гаврила и прошёл свой первый смотр перед губернатором Иваном Ивановичем Неплюевым.

Первоначально Оренбург начал строиться в 1735 году при устье реки Орь (приток Урала) как оплот против набегов могущественной Джунгарии. Однако вскоре выяснилось, что выбранное место обладает существенными недостатками и в 1739-м последовал указ перенести строительство на 184 версты ниже по Уралу, в урочище «Красная гора».

Если первая закладка города пришлась на низину и в половодье затапливалась, вторая, на «Красной горе», оказалась слишком камениста и к тому же удалена что от реки, что от леса. Поэтому власти решили Оренбург «переставить» в очередной раз.

Так стратегическая мысль гнала и гнала город на запад, сплавляя вниз по течению Урала, а по следам его прежних стоянок поднимались крепости: Орская, Красногорская... И вот с 1742 года, ниже ещё на 70 вёрст, на третьем, последнем, «якорном» рубеже начал воздвигаться главный азиатский форпост России, её несокрушимая твердыня — Оренбург.

В цивилизованных странах, исполненных гуманизма, бесплатно имеют право трудиться только заключённые и военнопленные. Оренбург строили в основном каторжане. Один из таковых, отличавшийся особенной смекалкой, а потому не расположенный рубить камень на каменоломне, сумел убедить начальство, что будет гораздо полезнее в роли учителя дворянских детей обоих полов. И вот за отсутствием в городе каких-либо учебных заведений ему разрешили открыть свою школу.

Звали ловкача Иосиф Розе, и был он немцем. Не желая тратиться на оплату персонала, каторжанин был и директором своей школы, и единственным преподавателем, и сторожем, и истопником. По воспоминаниям Державина: «Сей наставник, кроме того, что нравов развращённых, жесток, наказывал своих учеников самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коих рассказывать здесь было бы отвратительно...»

Ну а поскольку никакими специальными познаниями Розе не обладал, то и обучал детей тому немногому, что знал от рождения: немецкому языку. А ещё каллиграфии, искусством которой овладел на своей прежней, должно быть, писарской работе. Не иначе как перебеливая указы и приказы, приобрёл и некоторые навыки обхождения с чиновниками.

На учебники бережливый Розе не тратился.

Эту школу и стал посещать Гаврюша Державин. И не зря. Потому как вскоре, возмечая своей даровитостью ущербную педагогику невежды и прохвоста, освоил и чтение, и письмо, и разговор на чуждом, но в ту пору модном в высших придворных кругах языке. Для недоросля — приобретение важнейшее!

Пригодилась мальчику и каллиграфия. Полюбив красоту витиеватой линии, заплетающейся в грамматический орнамент и расплетающейся в лихо закрученные хвосты, Гаврюша пожелал и рисовать. И прежде всего попытался копировать увиденных в календаре лубочных богатырей.

Старателю срисовывал на отдельные листы, развешивал по стенам. То-то получилась шлемоносная с мечами да копьями, да на конях дружина! Такую бы отцу на подмогу! Глядишь, в бою и не сбили бы его стремительно налетевшие азиаты, и не ударила бы степная кобылица копытом в незащищённую грудь.

Отец кровью кашляет, но крепится. А ведь ещё совсем не старый вояка. Но от начальников не утаишь. Не защитник он теперь для Оренбурга. Возвратили болезного на его казанские земли. Но увольнять не стали. Не их дело государевых воинов на покой спроваживать.

Осенью 1753 года Роман Николаевич поехал в Москву за отставкой. Долгая трудная дорога не прибавила здоровья. Вернулся домой. Стойко дожидался. А как вышел на следующий год указ об увольнении, так и преставился. Даже долги не успел отдать.

А что люди, соседи? Может быть, посочувствовали, помогли? Куда там! Клочки земли, уже беспризорной, пуще прежнего отхватывают; мельничные запруды ставят, заливая державин-

ские луга так, что и скотину худосочную негде пасти. А мелюзга соседская двух сиротинок почём зря колотит. Худо без защитника. Голодно без кормильца.

И в суд Фёкле Андреевне не обратиться. Гонят от дверей. Вместе с ребятишками, в обе руки вцепившимися, гонят. Видят, что нищета, голь; знают, что на хороший подарок такой не наскрести. Одно утешение несчастной — слёзы по ночам, молчаливые, страшные, захлёбывающиеся, в подушку. Одна радость — навещать могилу мужа, стоять над свежим холмиком и думать: не заждёшься, милый...

Вот когда Державин страстно, до горьких мальчишеских судорог и слёз, помечтал о справедливости, о честном беспристрастном суде, защищающем слабых от сильных, нищих от богатых, добрых от злых. Вот когда полюбил правду и поверил истине.

Страшный, жестокий, но в чём-то и блаженный час!

Между тем приближается второй смотр. На последние копейки наняла вдовица сначала учащегося гарнизонной школы Лебедева, затем артиллерии штык-юнкера Полетаева. Оба — невеликие грамотеи. Однако для подготовки к смотру хватило и таких. Повезла сыновей в Петербург, хотела в заведения учебные устроить, но некоторых нужных документов о дворянстве и службе отца не оказалось в наличии.

Пришлось обратиться к мужу сестры покойного Романа Николаевича — полковнику Дятлову, проживающему в Можайске. Он и помог удостоверить дворянство. Но время упущено, а деньги издержаны. Вернулись ни с чем, разве что выхлопотала Фёкла Андреевна для своего недоросля новый отпуск до шестнадцати лет.

На следующий год собиралась снова везти ребяток в Петербург, да, на счастье, в Казани открылась гимназия, куда Гаврила и поступил. Предметов проходилось много: латынь, французский, немецкий, арифметика, геометрия, музыка, танцы, фехтование. А учебников — ни одного. Следовательно, и обучение

было куцым, ущербным: «вере — без катехизиса, языкам — без грамматики, числам и измерению — без доказательств, музыке — без нот...».

А вот играть на скрипке учился... со скрипкой! Имелась у преподавателя Орфеева. Оттого и полюбилась за волнующий полёт смычки по натянутым струнам, за быстрое, лёгкое перебирание пальцами, прижимающими тонкие металлические нити к изящно изогнутому деревянному под лаком грифу.

И всё-таки какие-то книги попадают в поле зрения любознательного Гаврилы. Во всяком случае, в эту пору Державиным было прочитано несколько романов, переводных и на языках. Тогда же заучил наизусть некоторые оды Ломоносова. Пробовал сочинять.

Директором гимназии был выпускник Московского университета Верёвкин. Молод, инициативен. Отсюда и трагедии Сумарокова, разыгранные учениками; и торжественные акты, где на четырёх языках звучат высокопарные речи, написанные педагогами, а старшеклассниками зазубренные и громогласно произнесённые. В ходу и пышные молебны, и пальба из пушек.

Идеи так и бурлили в неспокойной голове амбициозного директора. А потому частенько устраивались ученические экспедиции то для археологических раскопок в Болгарах, то для перепланировки Чебоксар. И что важно: обо всей парадной и деловой суете Верёвкин докладывал в Москву главному куратору гимназии Ивану Ивановичу Шувалову.

Не забывал деятельный директор похлопотать о наиболее способных. Так, в 1760 году было объявлено Гавриле Державину о его зачислении, ввиду геометрических успехов, в инженерный корпус. После чего для Гаврилы был пошит соответствующий мундир. Пальба из пушки на гимназических торжествах стала прямым делом ряженного в военную форму юноши.

Однако то ли суетливый Верёвкин что-то напутал в отправленных бумагах, то ли Шувалов по вельможной рассеянности ошибся личностью, но Гаврила Державин на поверку оказался записан не в инженерный корпус, а в лейб-гвардии Преобра-

женский полк, причём солдатом. И когда из названного военного подразделения в гимназию пришёл паспорт на имя Державина, юноше пришлось, не закончив учёбу, отправиться в Петербург. В марте 1762 года он уже находился в расположении полка.

Служба как служба. Муштра, караулы, наряды, смотры. А ещё употребление солдат по хозяйственным нуждам: заготовка дров, доставка провианта. Использовались и на общественных работах: уборка снега, расчистка каналов. Не пренебрегали трудовой сноровкой рядовых и офицеры, направляя их для выполнения личных поручений.

Сто рублей, что матушка дала Гавриле в дорогу, на баловство не расходовал, а для дела не жалел. Исключительно разумный, здравомыслящий юноша. Даже на то, чтобы снять квартиру, не тратился, а проживал в казарме с пятью солдатами, из которых двое были холостыми, трое женатыми. При женатых пребывали их солдатки с малыми детьми.

Ну а чтобы в строевой подготовке догнать однополчан, приступивших к службе прежде него, брал Гаврила дополнительные платные уроки у того же унтер-офицера, что занимался экзерцициями со всей ротой. Да и в долг никому не отказывал. Один-два рубля давал всегда, если просили. Для неграмотных солдат ещё и письма писал. Всё это, конечно же, не могло не располагать к нему сослуживцев.

Обзаведясь столь необходимым для творчества покоем, Державин снова, как некогда в гимназии, принялся за стихи, то есть стал сочинять нечто, отвечающее его пока смутным представлениям о поэзии. И это было ценно, ибо побуждало к самостоятельному поиску, освобождая от ложных авторитетов и чужого недомыслия.

Даже сведя через земляка знакомство с престарелым поэтом Тредиаковским, не озабочился поддержать таковое и тем самым избавился от излишней приверженности устаревшим образцам. Но при этом на свой страх и риск спешил перепробовать, кажет-

ся, все существующие стихотворные формы: мадригалы и сатиры, идиллии и басни, оды и эпиграммы.

А тем временем по соседству маршировала История, высоко, даже несколько карикатурно задирая ноги. И на неё нелепейшим образом был напялен неуклюжий тёмно-зелёный мундир с золотыми петлицами, из-под которого виднелись жёлтый камзол и жёлтые штаны. Всё это было пошито по голштинско-прусской моде, насижданной Петром III, всего несколько месяцев как дебютировавшим на российском императорском престоле.

И этот потешно-трагический марш уже переходил на торопливый, бряцающий шпагами, заговорщицкий бег офицеров Измайловского гренадерского полка, на лошадиный галоп Екатерины, скачущей к своей вероломной, блестящей победе над мужем — венценосным недотёпой. История спешила, подобрав полы плаща Николая Орлова, перешагнуть через труп Петра III, скоропостижно скончавшегося от геморроидального приступа. Так было обставлено, так доложили придворные эскулапы. И до чего же было забавно: усидеть на троне императору помешал... геморрой!

Очередные предательства, убийства. Очередной дворцовый переворот. Армия кипела, армия неистовствовала! Почувствовав себя великой океанической силой, способной поднимать из своей пучины одних монархов и ниспровергать туда других, в качестве платы она требовала грубых плотских утех и пьяного разгула. Того же хотел и народ.

Разумеется, при наличии наследника, не имея законных прав на трон, следовало Екатерине дождаться коронации и лишь тогда объявить себя императрицей, точнее, быть объявленной в таковом качестве. Тогда она могла бы с какой-то долей правдоподобия сослаться на «желание всех Наших верноподданных явное и нелицемерное». Заявлять же о таковом желании сразу же после захвата власти было нелепо и смешно хотя бы в силу значительной протяжённости Российской империи.

Ведь и узнают «все верноподданные» о таковом событии не через один месяц. Но мужеубийца не захотела даже на один день оставить верховную власть в подвешенном состоянии. И поспешила занять едва освободившийся престол, точнее сказать, вскарабкалась с кошачьим проворством, как некогда, в подростковую пору, лазила по деревьям в родном Штеттине.

Ни народу, ни армии Екатерина не стала отказывать в утешах. Чем горше подневольные будни, тем ярче и пышнее должны быть праздники. Самозванка отлично понимала это и казны царской на всеобщие увеселения не жалела. Куда дешевле единожды устроить угощения для нищего сброда, чем кормить и одевать его изо дня в день. Да и роптать на несправедливость полный рот и набитый желудок никогда не станут. А если ещё и глотку залить чем-нибудь бодрящим-веселящим...

22 сентября 1762 года Екатерина короновалась в Успенском соборе Московского Кремля по старинному обряду российских самодержцев и отныне, заняв своё монаршее место в отечественной геральдике, повинна была именоваться Екатериной II.

Известный историк В.О. Ключевский позднее так высказался об этом судьбоносном событии:

«Екатерина совершила двойной захват: отняла власть у мужа и не передала её сыну, естественному наследнику отца».

А мы добавим: двойной захват, а преступление тройное, ибо ещё и сопряжено с убийством супруга, Богом дарованного. Однако же никто не подумал возмущаться, ибо всякое слово протesta заткнул бы гвардейский штык. Не было и ледяного безмолвия, которым народ умеет отзываться на неправду, когда ему позволено хотя бы молчание.

Нет, народ веселился и в забвении стыда праздновал своё бесправие. И, как взяtkу за попустительство, с привычным грубым равнодушием получал на площадях и перекрёстках нехитрые монаршие милости: жареных быков на огромных вертелах,

фонтаны вина, ярмарочные балаганы, скомороший пляс и пушечные салюты!

А для любимцев и приближённой знати — бриллиантовый дождь, высокие звания, должности, ордена, богатейшие поместья, великолепные экипажи, дворцы — всё, чего душа благородная ни пожелает. Особо одарённому — и любовный интим царственной вдовушки.

Надо сказать, что на гвардию Екатерина смотрела с надеждой ещё в ту пору, когда её муж, будущий император Пётр III, демонстративно пренебрегал ею и называл «запасной дамой». И не столько бравый вид, не столько красота гвардейцев увлекали молодую женщину, сколько мысль с их помощью избавиться от ненавистного супруга-насмешника и завладеть российским троном.

Вот почему англичанам, обещавшим великой княгине поддержку, она за хорошие деньги тайком передавала сведения, составлявшие государственную тайну. И баловала дорогими подарками своих отчаянно-бесстрашных поклонников!

Ну а что перепало Державину? Чем обернулось для него пышно-кровавое шествие российской истории с царственной улыбкой и кокетливо приподнятым кринолином? Прежде всего Гаврила Романович едва не попал — то ли под грациозную туфельку, то ли под лошадиное копыто этой самой истории.

Дело в том, что не единожды обойдённый званием капрала, замыслил он поступить в войска, приглашённые Петром III из Голштии, в которых Державину пообещали офицерский чин. Однако в нерешительности медлил. Оно и хорошо. То-то оказался бы в опасности. Ладно хоть голштинцы, лишившись венценосного покровителя, быстренько, без единого выстрела, сдались.

Естественно, что Гаврилы Романовича не было среди первых, среди заговорщиков. Но его не было и среди вторых. Когда при начальном волнении шестая рота заодно с прочими ротами Преображенского полка побежала к Зимнему дворцу, где

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru